

УДК 94(470)

Т. И. Трошина

Северный Арктический федеральный университет,
г. Архангельск, Российская Федерация

**«Крестьянство рубит лес для себя
в широких размерах, без всяких
разрешений, нет средств прекратить
самовольные порубки».
Северная деревня в 1917 г.**

Tatiana I. Troshina

Northern Arctic Federal University,
Arkhangelsk, Russian Federation

**“Peasants Cut Down Trees Wholesale for Their Own Use,
without License, and There’s no Way of Putting a Stop
to This Unauthorized Felling”: Northern Village in 1917**

Аннотация

В статье рассматривается внутренняя жизнь северной деревни в 1917 г., в условиях ослабления государственной и местной власти. Эти события отражены в архивных документах и других источниках неочевидно, поскольку вступали в смысловое противоречие с политической жизнью, которая была соответствующим образом задокументирована. С опорой на предшествующую социальную историю северного крестьянства автор реконструирует основные направления внутренней деятельности сельских обществ, которая была направлена на решение важных для крестьян вопросов, касающихся пограничных споров из-за земли, права пользования лесными и промысловыми угодьями. Эти вопросы всегда были важны для крестьян, но в условиях сильной государственной власти решать их они не могли. Революция и разрушение старой машины управления сделали эти задачи вновь актуальными. Деятельность по их реализации способствовала внутреннему сплочению крестьянских обществ, в результате чего на второй план отходила наметившаяся в предшествующие годы имущественная дифференциация в деревне. Подобная сплоченность

создавала сложности государству при решении вопросов закупки продовольствия и призыва в армию, поэтому большевики, придя к власти, начали политику, направленную на раскол деревни. С другой стороны, раскол крестьянства происходил по территориальному принципу, возникали предпосылки «местных гражданских войн» между соседними сельскими обществами и волостями. Чтобы обезопасить себя от воинственных соседей, жители деревень создавали «отряды самообороны», что способствовало массовому включению северных крестьян в Гражданскую войну, которая разгорелась уже в следующем, 1918 г.

Abstract

The article studies inner life of the northern countryside in 1917, the state and the local authorities growing weaker. It is captured in archival documents and other sources in an unobvious way, because its developments came into collision with political life, which was documented properly. Building on previous social history of the northern peasantry, the author reconstructs the main trends of the inner activity of rural communities aiming at resolution of such important issues, as border disputes over land or procurement of rights of forest and fishing grounds usage. These issues had always been important for peasants, but while the state power was strong they remained unresolved. Revolution and the destruction of the old power structures turned these issues into ones of immediate interest. Activities for their implementation promoted rallying of peasant societies, and property differentiation in the village, incipient in the previous years, paled into insignificance. Property differentiation in peasant community stemmed from non-agricultural trade outside the village (otkhod), which the author considers a form of social and geographic mobility and which allowed peasants to grow quite rich. Success of the compatriots embittered no one, as there was a tradition of helping out, which came from a desire to demonstrate one's success and acknowledge kindred relationship, which tied the inhabitants of the thinly populated northern villages quite closely, but also from necessity to have the fellow villagers support when getting papers for the otkhod. Successful peasants of the district who lived in the cities helped out others in finding work, negotiating professional education for the children, providing means of earning money and, if needed, dispensed aid. When in 1917–1918 such peasants, who had thriven on trade, had to come back to the countryside from the starving cities other peasants often shielded them from taxes imposed on them as “members of the bourgeoisie.” Thus, there was no split on the grounds of social or property status in the northern village. Such solidarity disadvantaged the state in food purchases and military conscription, and when they come to power, the Bolsheviks adopted a policy aimed at splitting the village. Attempts to “deal” with the village proved unavailing. By late 1918 Bolsheviks changed tack and attempted to subvert the obshchina

solidarity of peasants. However, a split among peasants occurred of its own accord on an area basis, there appeared conditions for “local civil wars” between neighboring rural communities and volosts. To protect themselves from bellicose neighbors the villagers created “self-defense groups”, which contributed to northern peasants joining in the Civil War that broke out in the following year of 1918.

Ключевые слова

Источники, архивные документы, крестьянская община, север Европейской России, крестьянство, 1917 год, вопрос о земле, власть, внутриобщинная солидарность.

Keywords

Sources, archival documents, peasant obshchina, North of European Russia, peasantry, events of 1917, land issue, power, obshchina solidarity.

Население России, разбросанное на шестой части земного шара, расплыено, очень редко и потому не в состоянии организовано выступить сразу и действовать планомерно»¹. В этой связи 1917 год можно рассматривать для крестьянства как начало «новой эры» и как окончание старой. В деревне носителями социальных инноваций сначала была местная интеллигенция, прежде всего учительство, а затем, в последние месяцы революционного года, – возвращавшиеся фронтовики и земляки-отходники, покидавшие голодные города.

Сами крестьяне, как было неоднократно в предыдущие периоды истории, стремились воспользоваться ослаблением прежней власти, чтобы решить свои традиционные проблемы. Прежде всего это был «вопрос о земле». В огромной и многоукладной стране были свои региональные особенности. Так, для крестьян северных губерний Европейской России, где земледелие не являлось основным видом деятельности, важнее была проблема промысловых угодий (лесов, водоемов), что напрямую связывалось с утраченными правами на владение и пользование территориями. Следует отметить, что северные крестьяне периодически занимались коллективными (всем «обществом», а случалось, и целой волостью) вырубками леса, что нередко носило сугубо демонстративный характер. Или перекрывали казенные земли, которые продолжали считать своими, для любого вида их эксплуатации

посторонними лицами. Деятельность эта обычно имела экономическую подоплеку, и после соответствующей уплаты «отступных» открывалось использование природных ресурсов и транспортных путей.

Подобные действия со стороны крестьян возникали спонтанно. Наиболее массовыми они были в годы Первой русской революции, что известно из многочисленных отчетов местных чиновников и полицейских чинов, из судебных дел. В отношении революционного 1917 года информацию о традиционных крестьянских выступлениях приходится выискивать буквально по крупицам.

Наиболее репрезентативные документы, по которым историк может судить о революционной эпохе, оставлены носителями «новых идей», поскольку именно сельская интеллигенция и образованные молодые мужчины, возвращавшиеся из городов и с фронта, активно включались в земскую, а затем и советскую работу, агитируя крестьян принимать на сходах соответствующие постановления. Крестьянская жизнь шла как бы параллельно этому политическому активизму. С точки зрения многих агитаторов, деревня находилась в «сонном» состоянии. Центральная и местная власть калейдоскопически менялась; крестьяне на сходах подписывали все предлагаемые им резолюции – от поддержки Временному правительству и «войны до победного конца» до обязательного школьного и доступного высшего образования (сохраняя при этом за собой возможность всегда «отказаться» от подписи, ссылаясь на малограмотность или «непонимание» навязанной резолюции). Даже неплохо знавшая деревню сельская интеллигенция находилась в счастливом убеждении, что крестьяне постепенно поддадутся революционной агитации.

В революционный 1917 год в деревне уже не было чиновников по крестьянским делам, урядников, других официальных лиц, обязанных информировать обо всем происходящем в деревне. Даже сельская интеллигенция, занятая своими «делами» (учителя ушли в политику, священнослужители были заняты проблемами выживания в условиях устремлений крестьян лишить церковные причты надельной земли), не фиксировала, либо фиксировала субъективно, со своей точки зрения, жизнь деревни. Периодически и спонтанно происходящие разграбления помещичьих усадеб,

земельные переделы, организуемые нередко на весьма примитивных принципах «справедливости», прочие случаи подобного переустройства деревенской жизни в глазах сторонних наблюдателей выглядели как хулиганство или, напротив, как проявление гражданского неповиновения. Крестьянами же они воспринимались как восстановление их законных, попранных прежними властями прав.

Источниками о происходившем в деревне служат скудные сведения, просочившиеся из жалоб в революционные органы власти на «самовольные и самочинные действия отдельных лиц и групп»²; из информации в местной прессе о «происшествиях»; из позднейших воспоминаний участников революционных событий в деревне³.

Убедиться, что эти явления не были реакцией на вызовы современности, а явились актуализацией традиционных социальных представлений, позволяющий анализ всех предшествующих жалоб крестьян в органы власти (начиная с «наказов» в Екатерининскую «Уложенную комиссию») и сведения, полученные из различных наблюдений за «народной жизнью». Они показывают, что в северных губерниях земельный вопрос не стоял остро, но сохранялся, касаясь различных приграничных межобщинных споров.

Государство не всегда прислушивалось к пожеланиям крестьян, и территориальное деление (отнесение деревень к тому или иному сельскому обществу, к волости, к церковному приходу) нередко осуществлялось исходя только из удобств административного управления. Ослабление государственной власти сопровождалось активным делением не только губерний и уездов, но и волостей и сельских обществ⁴.

Трения между сельскими обществами, связанные с земельными спорами, чаще всего сохранялись от «дообщинного» периода. Государственное межевание, начатое здесь в конце XVIII в., зафиксировало фактическую ситуацию, что в результате привело к чересполосице и неудобствам для крестьян. Например, проданные или отданные крестьянами в приданое за дочерьми земельные участки после введения в 1830-е гг. поземельной общины могли оказаться во владении соседнего общества.

Не сумев по суду вернуть спорные участки, крестьяне в некоторых случаях находили устраивавший всех вариант. Например,

в Верховажской волости Вельского уезда Вологодской губернии спорную землю отдавали в аренду, а на вырученные деньги устраивали общий «пир». Но революционное безвластие подтолкнуло решать подобные вопросы с опорой на право силы. В 1917–1918 гг. происходил массовый захват спорных земель, и если обиженная сторона, то есть то общество, право которого на спорный участок поддерживалось «старым» законом, надеялась на разрешение спора в судебном порядке, то «захватчики» являлись для выяснения вопроса «с гиканьем и воинственно поднятым над головой дрекольем»⁵.

Так, в Вельском уезде «происходили серьезные конфликты из-за неясности границ между деревнями». Крестьяне двух соперничавших из-за лугового участка деревень решили одновременно выйти туда для сенокоса. Одни считали, что луг принадлежит им «по закону», другие – что «бывший староста, имевший в соседней деревне родственников, передал [луг тем] “по злобе” и за большую взятку». Собравшиеся мужики были вооружены косами и держались воинственно; членам уездного земельного комитета удалось убедить их поделить спорную землю «по едокам», пообещав в дальнейшем провести справедливое землеустройство⁶.

Кроме пашенных и луговых земель предметом споров в революционную эпоху стали и другие земли, когда-то переданные крестьянскими обществами для промышленного освоения индустриальными элементами. Так, крестьяне солоубальских деревень (пригороды Архангельска) передали часть своих земель за соответствующие регулярные выплаты предпринимателям для устройства лесопильных заводов, бирж, портовых сооружений.

Подобные договоренности были и с другими предпринимателями, которые устраивали смолокурные, салотопные, кожевенные, солеваренные и прочие предприятия, работавшие на местном сырье, на землях, принадлежавших крестьянским обществам (или как-то крестьяне считали своими). Подобные предприятия давали крестьянам работу и приработок, и проблема этим снималась. Однако в условиях революции у населения возникало искушение обложить владельцев заводов различными дополнительными поборам в пользу «общества»⁷.

Государственными законами некоторые земли объявлялись местами общего пользования, например дороги и придорожные

полосы, участки выхода к рекам (в том числе для организации сплава леса). Разграничение интересов между крестьянами и новыми пользователями основывалось как на законах, так и на тех выплатах, которые выдавались общинам в связи с отчуждением у них земель. В революционную эпоху население вспомнило о том, что эти земли принадлежат ему, и возникали случаи феодального способа взятия ренты за ее использование (за проезд по ней и проч.).

Население деревень, расположенных вдоль рек, по которым осуществлялся сплав леса к заводам, требовало выкуп за право пользования «своими», как они считали, водными ресурсами⁸.

В Пинежском уезде вооруженные топорами крестьяне выпроводили за пределы своей волости направленных Архангельским губисполкомом для сплава реквизированной у лесозаготовителей древесины, заявив: «...что лучше не ходите, а то будете в реке, лес-де наш и вам... делать здесь нечего»⁹.

Проживавшие на Кольском побережье крестьяне традиционно заявляли «права своей общины на владение всеми прибрежными водами около их селения», поэтому отбирали у чужих всю выловленную рыбу. Колонисты мурманского берега «приезжим поморам-рыбакам создают разного рода конфликты и всячески притесняют их», требуя, под угрозой «разрушить их рыбацкие избушки», чтобы «приезжие рыбаки искали другие места промыслов»¹⁰.

Притязания стали появляться и к землям, отчужденным для железнодорожного строительства. Так, крестьяне Наволоцкой волости Онежского уезда постановили ««обложить» домохозяев [железнодорожной] станции Плесецкая налогом на дома и капиталы, пригрозив, в случае полной или частичной неуплаты, конфискацией имущества и судом революционного трибунала»¹¹. Подобные формулировки, как правило, появлялись уже под влиянием вернувшихся в деревни фронтовиков.

Больше всего проблем возникало в отношении пользования лесами, которые находились во владении казны и под защитой государственных органов. Издавна привыкнув расчищать участки для земледелия и травосеяния «подсечно-огневым» способом, северные крестьяне видели в запретах свободно распоряжаться лесными угодьями нарушение своих исконных прав.

Ослабление контроля за лесами привело к тому, что в 1917 г. «лес был изретен массовыми неорганизованными хищническими порубками»¹². Хозяйственными органами отмечалось, что «крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких решений, нет средств прекратить самовольные порубки. Леса... как будто превратились в собственность тех, кто рядом живет»¹³.

Пока население руководствовалось получением дополнительной выгоды, их действия не были слишком агрессивными. В случае же возникновения жизненно необходимой экономической причины крестьяне стремились к захвату не только «своего», с их точки зрения, но и чужого, если могли найти этому хоть какое-то оправдание.

В 1917 г., когда участились перебои с поступлением продовольствия в неземледельческие районы, начались форменные грабежи на дорогах, в первую очередь хлебных грузов. На водных путях в пределах Олонецкой губернии крестьянами таким образом было захвачено около 240 тыс. пудов продовольствия¹⁴. На реке Шексне захват барж, доставлявших хлеб в Петроград, происходил следующим образом: крестьяне, человек двести, «кто с топорами, кто с баграми и даже с охотничьими ружьями», подплывали в лодках к грузовым баржам, «обрубали буксиры пароходов, в результате чего баржи были вынуждены причаливать к берегу. Крестьяне разбирали хлеб и развозили его по домам. Конвой, сопровождавший грузы, ничего не мог поделать – силы были неравны, крестьяне демонстрировали, что выстрелов не боятся»¹⁵.

Во время проведения традиционной ярмарки в городе Пинега возникла опасность, что прибывшие крестьяне собираются захватить и поделить между собой продовольственные грузы¹⁶.

По словам торгового агента из Архангельска, зимой 1917–1918 гг. на участке Северной железной дороги, по которой доставлялся в Европейскую Россию сибирский хлеб, станции и разъезды «представляют из себя потрясающую картину, поезда стоят, остановлены с товарами и продовольствием, подвергаются полному расхищению со стороны окрестных жителей и “товарищей”, которые приезжают из деревень на сотнях подвод целыми партиями, вооруженные кто чем попало, если встречаются сопротивление со стороны железнодорожников, то с ними самая ужасная расправа... По станции валяются разорванные мешки

пшеницы, разбиты ящики всевозможных товаров, а что касается вагонов – двери поломаны, все приведено в прах...»¹⁷.

Конфликты, которые в малолюдных северных деревнях чаще происходили не внутри самого общества, а между деревнями, нередко сопровождались «набегами» или «походами» на соседей, что толкало крестьян создавать «отряды самообороны» – предтечу партизанских отрядов Гражданской войны.

Началось все с призыва к соседям участвовать в совместных погромах помещичьих и купеческих усадеб. Например, крестьяне Березничевской волости Никольского уезда Вологодской губернии «послали своих представителей» в соседнюю волость, призывая их жителей присоединиться к коллективным погромам; те «отказались, и решили организовать оборону от подобных погромов в своей волости – вооруженную охрану для охраны и соблюдения порядка»¹⁸.

Когда уездные и волостные власти стали облагать сельские общества налогами, то деревни, считавшие себя «бедными», создавали отряды «красной гвардии», чтобы заниматься насильственными реквизициями в «богатых» селах, население которых в свою очередь оборонялось, создавая свои отряды¹⁹.

На севере даже на сравнительно небольшой территории могут существовать различные климатические условия; в результате, в соседних поселениях оказывались разные условия для земледелия. По этой причине деревни разделялись на бедные и зажиточные, и на этом основании между ними могли возникнуть неприязненные отношения. С развитием отхожих занятий население деревень, расположенных ближе к городам, к транспортным путям, получило больше возможностей для заработка, а соответственно и для повышения благосостояния. С другой стороны, близость к городам и дорогам, большая экономическая активность населения и его стремление к географической мобильности вели к нарушению традиционной культурной стабильности, что также способствовало нарастанию напряжения между соседствующими населенными пунктами.

В нестабильную эпоху межобщинная неприязнь проявлялась с особой силой. Все старые, забытые конфликты актуализировались, усилившись за счет психологического напряжения, развившегося в предшествующие годы. Своя, местная «гражданская

война» содержала в себе коллективную память о каких-то давних, возможно вооруженных, конфликтах между местностями. Во время так называемого восстания мобилизованных в Шенкурском уезде (летом 1918 г.) жители «нижних», пригородных деревень «жили в ожидании чего-то страшного, крестьяне прятали имущество, старушки молились, все чего-то боялись. Шептались, что верхние волости идут, чтобы... отобрать хлеб в нижних волостях и увезти» к себе²⁰.

Волость, не поддержавшая восстания, подвергалась обструкции «со стороны соседних волостей», выражавшейся в том, что ее населению «запрещали пользоваться проездными дорогами», «кожники отказывались принимать у них на выделку кожу и заказы на изготовление валенок», а соседи воспользовались сложившейся ситуацией и «захватили спорные луга». В свою очередь у жителей деревень, на которых эти экономические меры были направлены, формировались другие страхи: придет отряд «выжечь [их] деревни, увести скот, коров, лошадей, имущество»²¹.

Особенностью малолюдных северных губерний стало еще одно своеобразное явление, а именно стремление мещан небольших уездных городов переписаться «в крестьяне». Дело в том, что уездные центры здесь нередко были созданы искусственно, путем перевода в конце XVIII в. крестьян волости, территория которой была выбрана под «город», в мещане. К XX в. принадлежавшие мещанским общинам небольших северных городов земельные угодья находились в аренде у крестьян ближайших волостей, а те, пользуясь революционными событиями, где безвластием, а где, напротив, поворачивая в свою пользу законы новой власти, забирали эту землю себе на основании «права на средства производства тех, кто ими пользуется». В результате крестьяне в глазах мещан находились в «привилегированном положении», так как имели определенные льготы при пользовании лесами, что давало им, заготавливая и продавая городскому населению дрова, иметь стабильный и высокий заработок. Это и актуализировало желание части мещан, продолжавших заниматься крестьянским делом, вернуться «в первобытное (то есть крестьянское) состояние». Например, жители города Пинеги, население которого даже в начале XX в. немногим превышало тысячу человек, по их словам, «имеющие несчастье именоваться мещанами», начали

«ходатайствовать о перечислении в сельское состояние», то есть фактически ставили вопрос «об упразднении самого города»; тем более что после 1917 г. «сельские жители пользовались... еще такой неслыханной льготой, как полный неплатеж каких-либо налогов и местных сборов»²².

Как видим, в революционную эпоху конфликты крестьян происходили либо с инородными элементами, либо с крестьянами других сельских общин. Что касается внутреннего раскола северной деревни, то экономические предпосылки к нему, разумеется, существовали, и давно. Долгое время болезненным был вопрос расчисток, которые при введении земельной общины не были включены в общий передел. Правительство лишь ограничило права владельцев, запретив в течение 40 лет продавать или любым другим способом передавать расчистки в другие руки. Через 40 лет, то есть в 1870-е гг., расчистки должны были перейти в общий земельный фонд, но в связи с крестьянской реформой решение этого вопроса было вновь отложено и в таком состоянии просуществовало до 1917 г.²³

Для большинства крестьян, имевших нужду в земле, но не желавших или не имевших возможности заниматься тяжелыми и дорогостоящими расчистками, проблема была решена возможностью сторонних заработков. Но в подсознании мечта о «черном» (справедливом) переделе продолжала жить, актуализировавшись в революционную эпоху, когда на местном уровне массово принимались решения о включении расчищенных земель в общий земельный фонд.

Однако в местных климатических условиях занятие сельским хозяйством не позволяло стать достаточно зажиточным, поэтому вынужденная передача владельцами своих расчисток в общий передел не могла существенно нарушить внутриобщинную солидарность.

Наличие более явной имущественной дифференциации в крестьянской среде было связано с отхожими занятиями. Эта форма социальной и географической мобильности позволяла некоторым крестьянам существенно разбогатеть. Как правило, такие успешные земляки не вызывали раздражения у крестьян, поскольку существовала традиция оказания помощи, мотивацией к которой было и желание продемонстрировать свой социальный успех,

и родственные отношения, тесно связывавшие жителей малоллюдных северных деревень, и чисто прагматическая необходимость заручиться поддержкой односельчан на случай получения паспорта для отхожих занятий. Проживавшие в столичных городах успешные земляки оказывали помощь в подыскании своим односельчанам городской работы, устраивали их детей для профессионального обучения, предоставляли возможность заработка, в случае необходимости оказывали и материальную помощь.

Кстати, после возвращения в 1917–1918 гг. из голодных городов таких разбогатевших отходников односельчане нередко защищали их от налагаемых на них как на «представителей буржуазии» налогов.

Таким образом, раскола по социальному или имущественному признаку в северной деревне не происходило; более того, необходимость воспользоваться революционным безвременьем для решения, как казалось, направленных на коллективное самосохранение задач привела к укреплению внутриобщинной солидарности. Такая сплоченность деревни создавала сложности не имевших в глазах крестьян легитимности революционным властям при проведении необходимой государству политики (например, при закупке продовольствия или организации воинского призыва). Попытки «договориться» с деревней успеха не имели. И уже к концу 1918 г. политика большевиков была официально направлена на разрушение внутриобщинной сплоченности крестьян.

Примечания

¹ Сорокин, П. А. Современное состояние России. – Прага: Хутор, 1922. – С. 33. SOROKIN, P. A. *Sovremennoe sostoyanie Rossii* [The current state of Russia. In Russ.]. Praga, 1922, p. 33.

² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. Р-2106. Оп. 1. Д. 33. Л. 159. *Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti* [State Archive of the Arkhangelsk Region] (GAAO), fond P-2106, series 1, file 33, p. 159.

³ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАН-ПИ). Ф. 1332. *Vologodskii oblastnoi arkhiv noveishei politicheskoi istorii* [Vologda Region Archive of Contemporary Political History] (VOANPI), fond 1332; ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. GAAO, *otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoi istorii* [department of documents on social and political history] (ODSPI), fond 8660.

⁴ История сталинизма: репрессированная российская провинция. Дебаты. – М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 599 с. *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiiskaya provintsiya. Debaty* [History of Stalinism: The repressed Russian periphery. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El’tsina” publ., 2011, 599 p.; Сталинизм и крестьянство: Сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Вып. 4. – М.: Изд-во Ипполитова, 2014. – 765 с. *Stalinizm i krest’yanstvo. Sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov i zasedanii teoreticheskogo seminarra “Krest’yanskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii”. Вып. 4* [Stalinism and peasantry: Collected scientific articles and proceedings of the “round tables” and of the theoretical workshop “The Peasant Question in National and World History.” Issue 4. In Russ.]. Moscow, Izd-vo Ippolitova, 2014, 765 p.; Трошина, Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века): Монография. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 2011. – С. 220–226. TROSHINA, T. I. *Dinamika i napravlennost’ sotsial’nykh protsessov na Evropeiskom Severe Rossii (pervaya chetvert’ XX veka): monografiya* [Dynamics and trends of social processes in the European North of Russia: First quarter of the 20th century: A monograph. In Russ.] Arkhangelsk, Izd-vo PGU publ., 2011, pp. 220–226.

⁵ ГАО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 10–11. ГАО, ODSPI, fond 8660, series 3, file 61, pp. 10–11.

⁶ Там же. Ibid.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–19. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond Р-5867, series 1, file 3, pp. 16–19; ГАО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 401. ГАО, ODSPI, fond 8660, series 3, file 61, pp. 10–11.

⁸ ГАО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 81; Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1222. Л. 90. ГАО, ODSPI, fond 8660, series 4, file 81; fond 1, series 4, vol. 3, file 1222. p. 90.

⁹ Там же. Ф. 301. Оп. 1. Д. 12. Л. 105. Ibid., fond 301, series 1, file 12, p. 105.

¹⁰ Сельская поземельная община в Архангельской губернии, по описаниям, представленным в статистический комитет. Вып. II: Кандалакшская община Ковдской волости Кемского уезда. – Архангельск, 1884. – С. 26. *Sel’skaya pozemel’naya obshchina v Arkhangel’skoi gubernii, po opisaniyam, predstavlenным v statisticheskii komitet. Вып. II: Kandalakshskaya obshchina Kovdskoi volosti Kemskogo uезда* [Rural land obshchina in the Arkhangelsk region in descriptions presented in the Statistical Committee. Issue II: Kandalaksha community, Kovdsk volost, Kem uезд. In Russ.]. Arkhangelsk, 1884, p. 26; ГАО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 576. Л. 445. ГАО, fond 352, series 1, file 576, p. 445.

¹¹ ГАО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 36. Л. 5–7. ГАО, ODSPI, fond 8660, series 3, file 36, pp. 5–7; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 24. Л. 33. GARF, fond 393, series 2, file 24, p. 33.

¹² Овчинников, Н. Я. Работы северных колонизационных экспедиций (1919–1921). – Петроград, 1922. – С. 15. OVCHINNIKOV, N. YA. *Raboty severnykh kolonizatsionnykh ehkspeditsii* [Investigations of northern colonial expeditions: 1919–1921. In Russ.]. Petrograd, 1922, p. 15.

- ¹³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 31. Л. 335. GARF, fond 393, series 2, file 31, p. 335.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 244. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya* [National Archive of the Republic of Karelia] (NARK), fond P-1541, series 1, file 1/9, p. 244.
- ¹⁵ ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 79. Л. 43. VOANPI, fond 1332, series 3, file 79, p. 43.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3. Л. 86. GAAO, fond 301, series 1, file 3, p. 86.
- ¹⁷ Там же. Ф. 4097. Оп. 1. Д. 19 а. Л. 3. Ibid., fond 4097, series 1, file 19-а, p. 3.
- ¹⁸ [Деревенский, Сергей]. В Никольском уезде // Вольный голос Севера. Северная областная крестьянская газета, издаваемая Вологодским центральным обществом сельского хозяйства. – 1918. – 20 янв. DEREVENSKII, S. V *Nikol'skom uезде* [In the Nicholsk used. In Russ.]. IN: *Vol'nyi golos Severa. Severnaya oblastnaya krest'yanskaya gazeta, izdavaemaya Vologodskim tsentral'nyim obvom sel'skogo khozyaistva* [The Free Voice of the North. Northern regional peasant newspaper, published by the Vologda Central Agriculture Society. In Russ.]. January 20, 1918.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 24. Л. 73–76. GAAO, fond 301, series 1, file 24, pp. 73–76.
- ²⁰ Боговой, И. В. Из пережитого. О Шенкурских событиях // Известия Бюро Архангельского губернского исполнительного комитета С. Р. и К. Д. – 1918. – 7 нояб. BOGOVOI, I. V. *Iz perezhitogo. O Shenkurskikh sobytiyakh* [From bygone days: On occurrences in Shenkursk. In Russ.]. IN: *Izvestiya Byuro Arkhangel'skogo gubernnskogo ispolnitel'nogo komiteta S.R. i K.D.* [Izvestia of the Bureau of the Arkhangelsk Provincial Executive Committee of Soldiers', Peasants' and Workers' Deputies. In Russ.]. November 7, 1918.
- ²¹ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 178. Л. 5–6, 9–10. GAAO, ODSPI, fond 8660, series 3, file 178, pp. 5–6, 9–10.
- ²² ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 116. Л. 81. GARF, fond 393, series 2, file 31, pp. 335.
- ²³ Мартынов, М. Расчистки в Архангельской губернии. – Архангельск, 1919. MARTYNOV, M. *Raschistki v Arkhangel'skoj gubernii* [Grubbing in the Arkhangelsk gubernia. In Russ.]. Arkhangelsk, 1919.

Список литературы

- История сталинизма: репрессированная российская провинция. Дебаты. – М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 599 с.
- Сорокин, П. А. Современное состояние России. – Прага: Хутор, 1922. – 368 с.
- Сталинизм и крестьянство: Сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Вып. 4. – М.: Изд-во Ипполитова, 2014. – 765 с.
- Трошина, Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века): Монография. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 2011. – 338 с.

References

Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiiskaya provintsiya. Debaty [History of Stalinism: The repressed Russian periphery. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El’tsin” publ., 2011, 599 p.

SOROKIN, P. A. *Sovremennoe sostoyanie Rossii* [The current state of Russia. In Russ.]. Praga, 1922, 368 p.

Stalinizm i krest’yanstvo. Sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov i zasedanii teoreticheskogo seminara “Krest’yanskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii”. Vyp. 4 [Stalinism and peasantry: Collected scientific articles and proceedings of the “round tables” and of the theoretical workshop “The Peasant Question in National and World History.” Issue 4. In Russ.]. Moscow, Izd-vo Ippolitova, 2014, 765 p.

TROSHINA, T. I. *Dinamika i napravlennost’ sotsial’nykh protsessov na Evropeiskom Severe Rossii (pervaya chetvert’ XX veka): monografiya* [Dynamics and trends of social processes in the European North of Russia: First quarter of the 20th century: A monograph. In Russ.]. Arkhangelsk, Izd-vo PGU publ., 2011, 338 p.

Сведения об авторах

Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, профессор, Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова, кафедра социальной работы и социальной безопасности, профессор, г. Архангельск, Российская Федерация, 8-911-571-04-66, tatr-arh@mail.ru

About author

Troshina Tatiana Igorevna, PhD in History, professor, department of welfare work and social security, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, professor, Arkhangelsk, Russian Federation, +7-911-571-04-66, tatr-arh@mail.ru

В редакцию статья поступила 3.02.2017 г., опубликована:

Трошина, Т. И. «Крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких разрешений, нет средств прекратить самовольные порубки». Северная деревня в 1917 г. // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 87–101.

Submitted 3.02.2017, published:

TROSHINA T. I. “*Krest’yanstvo rubit les dlya sebya v shirokikh razmerakh, bez vsyakh razreshenii, net sredstv prekratit’ samovol’nye porubki*”. *Severnaya derevnya v 1917 g.* [“Peasants cut down trees wholesale for their own use, without license, and there’s no way of putting a stop to this unauthorized felling”: Northern village in 1917. In Russ.]. IN: Vestnik arhivista / Herald of Archivist, 2017, no. 2, pp. 87–101.